

Редкая удача и смертельная опасность: коровы появляются из воды¹

Михаил Гардер

С конца XIX в. несколько текстов о «водяных коровах» было записано собирателями русского фольклора на северо-западе России (южная Карелия, Вологодская область и юг Архангельской области). Эти «водяные коровы» обычно описываются как тучные и дойные и, соответственно, необходимые человеку; ранее эти коровы приписывались хозяйству водяного, водному духу, который в XIX и XX вв. встречался в текстах русских меморатов и фабулатов, а в настоящее время носителями традиции в основном считается выдуманном персонажем.

Современные нарративы о «водяных коровах», встречающиеся довольно редко, сохраняют косвенную связь с водяным: коровы, согласно этим рассказам, появлялись возле особо глубоких мест на озерах и реках. Сравнение с традициями других регионов показывает, что мотив о «водяных коровах», встречающийся на северо-западе России, во многом сходен с мотивом финских и карельских фольклорных рассказов, входящим в указатель Л. Симонсуури и М. Яухийнен: различные хийси (духи мест) владеют стадами тучных дойных коров, которые человек может заполучить с помощью определенного приема. Поверья и мемораты/фабулаты с этим мотивом были зафиксированы в вепском и эстонском фольклоре, хотя приводимых примеров недостаточно для сравнительного анализа разных национальных традиций.

Ключевые слова: водяные коровы, водяной, русский фольклор, карельский фольклор, финский фольклор, быличка, мифологический рассказ

Эта статья дополняет более ранние работы о записанных на северо-западе России фольклорных текстах с основным мотивом «коровы появляются из воды» (Криничная 2014; Гардер 2016). К публиковавшимся в статье (Гардер 2016) текстам добавлены 2 записи: из Вологодской и Ленинградской областей. В аналитической части кроме указателя Л. Симонсуури и М. Яухийнен (Jauhainen 1998) использован

¹ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ №17-24-01004 «Белорусско-русское этнокультурное взаимодействие в трансграничной перспективе».

каталог фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина (Березкин, Дувакин 2017). Тексты с указанием времени и места записи или их пересказы приводятся в конце статьи.

На русском языке мотив фиксировался в XIX – начале XX вв. в Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерниях, а в экспедициях рубежа XX–XXI вв. – на востоке Вологодской и юге Архангельской области. Поскольку мне неизвестно о фиксациях мотива на русском языке с 1915 г., когда вышел сборник Соколовых (Соколов, Соколов 1915) с текстами 11 и 12, вплоть до 1998 г., я буду отдельно рассматривать группы текстов современных и дореволюционных.

В 2014 г. во время экспедиции Лаборатории фольклористики РГГУ в с. Верхнеустькулой Вельского района Архангельской обл. был записан текст со следующим сюжетом: однажды из небольшого бездонного озера возле деревни на «святой праздник» вышло стадо дойных коров. Когда люди спугнули коров, некая женщина обошла вокруг последней коровы (или перешла ей дорогу) с иконой в руках и оставила корову у себя во дворе. Остальные коровы вернулись в озеро. Это озеро, когда-то находившееся рядом с домами, было потом завалено мусором и исчезло (текст 1).

Два похожих сюжета обнаружались в архиве Лаборатории фольклористики РГГУ в более ранних записях, сделанных на юге Архангельской области.

В с. Моша Няндомского района в 2003 г. после вопроса, рассказывали жители о русалках, информант вспоминает «легенду об Андрее»: на реке есть мыс, возле которого река особенно глубокая. Однажды с речного острова на этот мыс приплыли коровы разного цвета, жители разобрали коров по дворам. Андрей, «человек наподобие русалки», плыл вслед за коровами, «коров всем раздал и скрылся». С тех пор мыс называется Андреевским (текст 2).

В деревне Лёкшмо-Бор Каргопольского района в 1998 г. был записан короткий текст: в реке за деревней Сиянга есть глубокое место, «бездна», в котором иногда виден как будто белый камень. Когда-то раньше по ночам оттуда выходил пастух с коровами (текст 4).

Воспоминание о поверье, что раньше на лугу вблизи деревни выходили дойные коровы, одну из которых заполучили жители деревни, было зафиксировано в 2002 году в Никольском районе Вологодской области (текст 3).

На этом заканчивается ряд интересующих нас интервью, записанных за последние 20 лет; остальные фиксации на территории северо-запада России относятся к XIX – началу XX вв (тексты 5–12).

Эти современные интервью объединяет один общий мотив – коровы выходят из воды рассказы (за исключением третьего, где место вы-

хода не указано). Остальные детали варьируют: в текстах 1 и 3 коровы «выменные», дойные, и в обоих случаях люди заполучают одну корову. В тексте 2 коров специально для жителей пригнал Андрей («подарочек преподнес»), их никто не ловил (хотя жители «чуркали» – говорили «чур, моя»). В тексте 4 история сократилась до одного эпизода: пастух с коровами выходил пасти стадо по ночам. Из четырех приведенных современных записей лишь в одной коровы возвращаются в воду, напуганные человеком. Во всех четырех примерах история о выходящих коровах привязана к конкретному месту: исчезнувшему озеру (текст 1), Андреевскому мысу (текст 2), Енькиному лугу (текст 3) и известному участку на реке Сиянге (текст 4), и в трех из четырех интервью это бездонный водоем или особенно глубокое место.

В приведенных текстах 5–12 элемент «коровы выходят из озера» по-разному актуализируется и вплетается в сюжет. Текст 6 ближе к сказке о ссоре мужика и черта, хотя речь идет о конкретном озере. Текст 8, где водяной выступает как участник конфронтации с человеком и в отместку за кражу вредит не лично человеку, а делает так, что озеро постепенно зарастает травой, объясняет происхождение болота и таким образом выполняет функцию топонимического предания. П.С. Ефименко (текст 7) передает рассказ о водяных коровах, который, видимо, мог восприниматься как достоверный: называются и имя крестьянина, видевшего коров, и место.

В большинстве текстов, хотя и не во всех, говорится, что коровы эти особые (тучные, молочные). В пяти из восьми текстов коровы (одна или несколько) достаются людям, еще в одном упоминается попытка поймать корову: присвоить скот можно перейдя дорогу животному, т.е. «отрезать» его от стада, или при помощи иконы, или обойдя кругом, или завладев плавающим по воде подойником. Мотив богатства напрямую упоминается только дважды – у Петрова (текст 6) и Максимова (текст 10), а в пересказе Максимова фигурирует также мотив «неразменного рубля» – корова у крестьянина «не переводилась».

Персонаж – владелец коров варьирует (водяной, черт) и только в тексте 12 отсутствует вовсе, и в этом случае коровы выходят из реки/озера сами по себе и не «приписываются» хозяйству водяного. Своего рода «смешанный случай» встречаем у Шереметева (текст 9): странник боится водяного, но принадлежность коров водному духу не утверждается. А. Харитонов (текст 5) и С.В. Максимов (текст 10) приводят рассказ о выходе коров из воды в подтверждение того, что в народе бытовало представление о подводном хозяйстве водяного. По сравнению с большинством текстов у Харитонова, казалось бы, описана обратная ситуация: крестьяне боятся увидеть коров и «попасть в пастухи к водяному» (вспомним угрозу черта у К. Петрова, текст 6).

Обобщая разбор дореволюционных и современных текстов, можно выделить базовый для них мотив: из воды или другим сверхъестественным образом – из-под камня, на луг – выходят (тучные) коровы, которыми человек завладевает / хочет завладеть. Представление о водяном / черте, выгоняющем пастись свои стада, не встречается в современных записях, но есть почти во всех имеющихся текстах XIX – начала XX в. (тексты 6, 8–12). Если мы принимаем во внимание, что омуты, темные места на водоемах, как пишет Харитонов (текст 5), считаются местом обитания водяного, тем более интересно, что в современных записях три из четырех текстов указывают на эту деталь: коровы появляются у глубокого места или в «бездонном» водоеме. При этом во всех современных примерах в отличие от дореволюционных записей не говорится о прямой опасности приближения к стаду, которое, как упоминалось выше, грозит попаданием в пастухи к водяному (\approx смертью) или местью водного духа.

В этой связи интересно привести мотив H18B «Скот возвращается в воду» из аналитического каталога Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина с ареальным распространением Западная и Восточная Африка, Тибет, Китай и Северо-Восточная Индия, Кавказ, Балтоскандия и Западная Сибирь: «Получив от сверхъестественных персонажей домашний скот, человек (обычно из-за нарушения запрета смотреть, кричать и т.п.) тут же теряет всех или большинство животных (они уходят в воду, на небо, разбегаются и т.п.)» (Березкин, Дувакин 2017). В части рассматриваемых в этой статье текстов мотив оказывается довольно похожим: человек, еще не заполучив коров, отпугивает стадо тем, что он увидел коров / его увидел хозяин коров / люди зашумели и т.д. (тексты 1, 6–8, 12). Интересно, что в каталоге мотив отмечен в том числе в Балтоскандии на острове Сааремаа: из моря выходят коровы, девушка «отгоняет» семь из них, они остаются с людьми (текст 15).

К сожалению, в моем распоряжении нет других фиксаций из Прибалтики, но мотив, по большинству составляющих элементов идентичный рассматриваемому в статье, приводится в указателе Симонсуури-Яухийайнен под номером L301: «Водяные коровы, скот духа вод – тучные красивые коровы выходят на пастбище на берегу – человек присваивает коров, обойдя вокруг них три раза, коснувшись их, бросив на них нож или любое металлическое изделие – они дают много молока, если первый раз их подоить в большую емкость – дух вод зовет свой скот домой по имени: "Ptrui Kirjo, ptrui Karjo, ptrui haikaa Haluna!" (Jauhiainen 1998: 265). Указатель отсылает к ряду смежных мотивов: M71 «Скот горных троллей красивые дойные коровы – горный тролль зовет скот домой по имени: "Kui Kiiloista, kui Kaaloista, kui Helunaa!", M361 «Скот подземных *maahiset* – человек видит коров, оленей, овец – может заполучить их, бросив на них металлический предмет, ключ, гвоздь, пуговицу – кра-

сивые дойные животные». Напомним, что в одном из текстов, записанных на русском (текст 12), есть упоминание о скоте, выходящем из-под камня, в другом (текст 3) не упоминается вода, а коровы выходят на луг. В русскоязычных текстах нет способа заполучить корову с помощью металлического предмета (но есть с помощью обхода), хотя, как известно, в остальном использование металла как способ противодействия иномирному встречается в русском фольклоре довольно часто.

Здесь стоит упомянуть еще две фиксации рассматриваемого мотива, но уже не на русском языке: одна из них – краеведом Н. Лесковым у карел (текст 13), другая – Волковым у вепсов в Ленинградской области (текст 14). Текст 14 представляет собой поверье, известное мне только по пересказу в монографии И.Ю. Винокуровой (Винокурова 2006: 295–296), а текст 13 – нарратив о появляющихся из воды коровах, который Лесков приводит в качестве подкрепления своего утверждения, что карелы считают «водного короля» «богатым помещиком», держащим скот. В этом примере отличается способ получения коров: для этого бабка предлагает накапать на них кровью, но в целом основа мотива соответствует тому, который составляет линию приводимых текстов.

Видимо, следует уделить внимание мнению Соколовых, согласно которому такие элементы текста 12, как забивание скота, «предание» о появляющихся на праздник оленях и утках, а также сюжет о коровах возникают в результате разложения обычая «языческого жертвоприношения» (Соколов, Соколов 1915: XL). Обычай, пишут Соколовы, частично сохраняется в виде забивания быка в храмовый праздник, а также порождает сначала «предание» о добровольном приходе зверей на заклание, а затем – «легенду» о выходе коров. Стоит отметить, что упоминания об обычае приводить скот к церкви «сцеплены» с текстом о добровольном приходе зверей в переписанном Шереметевым фрагменте летописи и в материалах Н. Богословского в «Нижегородском сборнике», на которые также ссылаются Соколовы (Соколов, Соколов 1915: XL). Но для сюжета о жертвенном животном, добровольно приходящем к празднику в деревню – см. его разбор в статье А.Б. Мороза (Мороз 2013) – мотив выходящих из воды коров маргинален, т.е. это два самостоятельных сюжета с различной этиологией, которые вошли в состав одного нарратива в случае с текстом 12.

Итак, вопрос о трансформации мотива на основе русскоязычных текстов решить оказывается легко – исчезающий из мифологической, демонологической парадигмы водяной, хозяин вод пропадает и из текстов с мотивом «коровы выходят из воды». Но, хоть и очевидно, что наибольшее сходство с русскоязычными записями наблюдается в традициях Карелии, Финляндии и Эстонии, выйти за пределы этого утверждения и установить направление заимствования между русским

и прибалтийско-финским населением (карелами, финнами, вепсами) внутри ареала (восточная Финляндия, юг Карелии, Ленинградская, Архангельская и Вологодская области) на этом материале не представляется возможным.

Текст 1. С. Верхнеустькулой, Вельский р-н Архангельской обл. 2014 г.

[РЕК:] Вот про этих коров, мам, расскажи. <...> Не поверят же уже, басни такие вот. [РВМ:] Вот у нас коровы ходили вот там за рекой <...>. Вот это у нас дом... и вон тот дом [показывает на два соседних дома]. И тут лужа. [РЕК:] Не лужа, а как маленькое озерко. Ну, говорят, там дна даже нет. Бездонное. [РВМ:] Озерко. И вот коровы какое-то время выходили оттуда. <...> [РЕК:] На какой-то святой праздник, на какой-то праздник на святой вышло семь коров. Мне бабушка рассказывала. [РВМ:] Пять коров, кажется. [РЕК:] Семь! [РВМ:] Семь. [РЕК:] Дойных таких, прям вот ну таких прям коров. [РВМ:] Хороших, больших, выменных. [РЕК:] Вот. И вот побежали в деревню. <...> И вот чё-то кто-то их спугнул там, да. А вот их вот там Агнея <...> Пятовская, Феда Пяты-то жена. Она с иконой, не растерялась и у последней коровы перебежала дорогу. [РВМ:] Не она, Плацька <...> Ну, из этого дому хозяйка старшая, старая. Она корову одну кругом обошла. И корова осталась у йих. [РЕК:] И привела во двор. А тогда корова – это же что! <...> [Она обошла с чем?] [РЕК:] С иконой, да. [Кругом коровы?] [РВМ:] Да тут, может, <...> и без иконы, да уж как бы да всё хорошо, благословясь-то. А те сразу в воду. [РЕК:] Ну вот дорогу перегородила, остальные... остальные так в озеро и ушли. [То есть они вышли и?...] [РЕК:] Да. Вот откуда? [И постояли и ушли?] Нет, они пошли куда-то, ну от... в деревню, раз они оттуда вышли и вот уже тут. [РВМ:] Кто знает куды – никто не видел больше. [РЕК:] Ну, это ещё бабушка рассказывала. [А что за озеро такое вот?] <...> [РВМ:] Ну вот озёрко было. Кто знает. [РЕК:] Это такое святое озеро, можно сказать, да, а завалили помойкой... <...> Вообще дак просто кощунство. [Без дна это озеро?] <...> [РВМ:] Да кто знает, с дном ли без дна ли. Не бродили ак мы туго-ка. [А что за праздник это был, когда коровы вышли?] А бог знает, ак я не знаю теперь – время-то столько прошло (Петров, Мороз и др. 2014).

Текст 2. С. Моша, Няндомский р-н Архангельской обл., 2003 г.

[Здесь ничего не рассказывали про русалок?] Да не про русалок, а про Андрея у нас легенда ходит до сих пор [смеется]. У нас тут есть мысочек Андреевский. Вот подойти недалёко от нашей деревни, мы в детстве всё время там купались, там, знаете, вот два

шага шагнёшь и страшный обрыв, вот. И у нас ребята всё время купались все так, раздетые все. У нас, бывало, и мальчишки и всё утащат, что оставим на берегу. Да побрыкаимси, побрыкаимси, а потом мама или кто-нибудь: «Ребята, вы что, с ума сошли, как девки будут из воды-то выходить?! Давай принесите». Принесут, положат. Вот. И всегда был трамплин, мы там купались. Трамплин такой высокий из досок. <...> На какой же день-то, подождите, дайте вспомнить, на праздник или просто так... Нет, не праздник, а ни... ни... как ничего не знаю, значит, мне не говорили. Вот это на этот мысочек в один прекрасный день с этого острова приплыли дети... коровы: белые, серые, чёрные – всякие. Вот коровы при... а деревня увидела, кто-то сообщил, парень какой-то, говорят, маленький, это давно было, мама рассказывала, она ещё маленька была дак, тоже, тоже легенда, сообщил всей деревне, он-то ещё увидел – плывут коровы! – а в деревне-то, вероятно, не было коров, бегите и чуркайте, и все прибежали-ти из деревни: «Чур моя, чур моя, чур моя, чур моя». Вот. Это Андрей как так... такой, знаете, подарочек хороший преподнёс нашей деревне. Вот так. И все коровушки, вот с тех пор называется Андреевский мыс. «Куда пошли купаться? – На Андреевский». [А какой Андрей?] Дак во кто, вот этого не знают. Вот коров всем раздал и скрылся. Больше... [Это человек был?] Да, человек был. Показался вот такой, но наподобие русалки, но не русалка, чё-то сложнее. [Он откуда показался?] Из воды. Коровы и Андрей все вы... по воде плыли: коровы впереди, а Андрей сзади. Вот и всё. А вышел... вышел... вышел из воды (Мороз, Устюжанинова и др. 2003).

Текст 3. Д. Животово, Никольский р-н Вологодской обл., 2002 г.

А вот тут на Енькином лугу раньше коровы выходили... [Из воды?] Поймали ведь одну корову, это сильно давно было. [А что сделали?] А забыла. А, наверное, держали, сильно, говорят, дойная была. [А какие коровы, обычные?] А не знаю. Только слыхала. Только старые люди говорили (Воробьева и др. 2002).

Текст 4. Д. Лёкшмо-Бор, Каргопольский р-н Архангельской обл., 1998 г.

Там где-то за Сиянгой о-о-о така глубоко место [в реке] – шесты не хватает, хоть сколько палок туды клади – бездна, так не хватает шестов; бывало, мужики дак ехали, сидят на лодке, дак видно там как будто камень белый, в реке за Сиянгой <...> Раньше говорили, из той ямки пастух с коровами ходил будто. [Когда?] Ночью, люди видят – коров не было, а вдруг коровы и потеряются; выходил оттуда из реки (Мороз 2009: 75).

**Текст 5. Середина XIX – начало XX вв. (с 1848 по 1915 г.).
Шенкурский уезд Архангельской губернии, 1848 г.**

В публикации А. Харитонов 1848 г. говорится, что крестьяне представляют водяного домохозяином, который ночью выгоняет пастись свои стада. Встречи с ними избегают, так как водяной может сделать человека своим пастухом (Харитонов 1848: 144). Омут, темные места на реке, пишет Харитонов, считаются местом обитания водяного.

Текст 6. С. Мегра, Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии, 1860 г.

В 1860 г. К. Петров в «Олонецких губернских ведомостях» опубликовал подборку «народных преданий», одно из которых рассказывает о небольшом глубоком озере («дна его <...> никак нельзя измерить») с островом посередине. На этот остров летними ночами выходят четыре коровы, и никому не удавалось завладеть ими: когда кто-либо приближался, раздавался свист, и коровы исчезали в озере. Один крестьянин, увидев перед рассветом пасущихся тучных коров, смог заполучить двух из них. Мужик получал от коров много молока, а от их приплода пошла порода коров Мегры. Когда крестьянин забил коров, мясо и шкуры украли, в краже он обвинил соседей. Однажды к нему пришел черт и сказал, что это он дал коров, он же забрал мясо и шкуры. Черт велел мужику прекратить «волочить добрых людей», иначе, пригрозил, «скоро будешь у меня в озере пасти коров», после чего крестьянин помирился с соседями (Петров 1860). Несколько сокращенный пересказ этого текста с повторением большинства деталей встречается в сборнике Ончукова 1908 г. в разделе «Неизвестный рассказчик» (Ончуков 1908: 499–500).

Текст 7. С. Кузьминское, Шенкурский уезд Архангельской губернии, 1877 г.

В своих «Материалах...» 1877 г. П.С. Ефименко пишет о рассказе из Тулгасского прихода:

Выше от прихода по реке Тулгасу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни год назад крестьянин села Кузьминского, теперь умерший, Алексей Скорняков, видел целое стадо бурого скота, пасомого самим чертом – человеком толстым, с длинными черными, как смола волосами. Только что черт заметил этого крестьянина, очень скоро начал гонять скот в воду (Ефименко 1877: 188).

Текст 8. Д. Топоровская, Каргопольский уезд Олонецкой губернии, 1884 г.

В «Олонецких губернских ведомостях» в 1884 г. была напечатана «легенда», присланная учителем Пятницким: когда-то на месте поросшего травой болота у деревни Топоровской Вадьинского прихода, где ходить безопасно и где иногда пасется скот, было озеро. Однажды из этого озера вышли тучные коровы, а за ними – женщина с золотым подойником. Увидевший их охотник хотел забрать всех коров и подойник, сбегал домой за иконой, но успел обойти и поймать лишь одну корову. Водяной в отместку за кражу «зарастил» озеро, но, когда озеро заросло еще не полностью, по его поверхности плавал золотой подойник (рассказчик, 85-летний Тихон Юрьин, объяснял, что подойник носил водяной, таким образом заманивая людей, чтобы утопить их и «отомстить за отнятую корову»). Пятницкий также отмечает, что в эту легенду уже почти не верят (Пятницкий 1884: 649).

Текст 9. (Вероятно) Белозерский уезд Новгородской губернии, 1902 г.

В своей книге о поездке в Белозерский край граф Шереметев пересказывает услышанное от местного ямщика «предание»: из «святого озера вышли коровы», но, когда крестьяне стали их ловить, они ушли в воду. «Странник» хотел поймать их и сказал, что сначала нужно было взять плававший по воде подойник, тогда люди смогли бы завладеть коровами. Потом странник «одумался» и не стал ловить коров, так как боялся водяного. Шереметев передает комментарий ямщика: «Коровы – это так рассказывают», другое же предание – правда. Это второе предание, по словам Шереметева, связано с храмовым праздником: раньше в село Пречистенское прилетали птицы и приходили звери, «их убивали, остальные улетали»; когда крестьяне стали убивать «и остальных», эти птицы и звери перестали появляться в селе (Шереметев 1902: 136). Другой информант Шереметева, священник, «не совсем отрицал <...> предание о коровах и говорил, что коровы в воде жили». Он же рассказал вариант «предания», которое Шереметев затем переписал «из рукописной церковной летописи»: раньше в день Рождества Богородицы в деревню приходила самка оленя с детенышем – детеныша закалывали, а мать отпускали (Шереметев 1902: 137).²

² Анализ множества вариантов сюжета о приходе жертвенных животных см. в статье А.Б. Мороза (Мороз 2013), где также приведены гипотезы о путях его попадания на Русский Север.

Текст 10. С. Ухта, Вытегорский уезд Олонецкой губернии, 1903 г.

С.В. Максимов в 1903 г. пишет, что у водяных в Олонецком крае есть целые хозяйства, а в старину они выгоняли коров (черных и гладких) пастись на берег. Один крестьянин в селе Ухта Вытегорского уезда «отогнал» (поймал) одну корову, и «она у него никогда не переводилась» при всей его бедности (Максимов 1903: 88).

Текст 11. (Вероятно) Белозерский уезд Новгородской губернии, 1915 г.

Текст приводится в известном издании 1915 г. братьев Соколовых под заголовком «Озеро Березино». Сюжет заключается в следующем: черт испортил дровни, которые взял на время у мужика. Летом мужик увидел коров черта и с помощью иконы забрал одну корову, а черт за это украл у мужика горох. Потом люди слышали, как черт плачет в озере и просит вернуть корову, и купаться в озере боялись (Соколов, Соколов 1915: XI–XII).

Текст 12. (Вероятно) Кирилловский уезд Новгородской губернии, ок. 1860 г.

В предисловии к сборнику Соколовы пишут, что этот же рассказ они слышали от лодочника на озере Чаронда (Воже) более 50 лет назад. Из озера Вещозера «выходили особой породы быки и приходили в село Пречистое», и до сих пор в некоторых деревнях есть быки «этой чудесной породы» (Соколов, Соколов 1915: XL–XLI). Соколовы при этом упоминают «очень сходную версию» Шереметева, записанную в этом же районе, а также местное предание о кресте, установленном у камня в деревне Покровской в районе Пунемы: раньше коровы иногда появлялись из-под камня, и некоторые добавляют, что их выходила доить «девица с дойником в руке». Одну корову удалось поймать, она «была прекрасная и давала вкусное молоко», но после этого коровы уже не появлялись. «В память избавления от этого наваждения и в ограждение себя от него» крестьяне поставили крест. По словам собирателей, в одном из вариантов сюжета с появлением коров из-под земли животные приходят «для добровольной жертвы» (Соколов, Соколов 1915: XLI). Чуть ранее Соколовы рассказывают об обычае забивать 8 сентября на церковной паперти «обещанного» быка, часть мяса от которого раздают нищим, а часть продают, и вырученные деньги идут в пользу церкви. Авторы затем приводят рассказ лодочника о том, что около 50 лет назад к 8 сентября к церкви села Пречистого прибегали олени и прилетали утки (Соколов, Соколов 1915: XL).

Текст 13. Д. Святозеро, Пряжинский р-н Олонецкой губернии, 1894 г.

Приведем пересказ текста, записанного в карельской деревне Святозеро Пряжинского района Карелии краеведом Н.Ф. Лесковым и опубликованный в «Живой старине» в 1894 г. Лесков пишет: у *вези-кунингуой*³, который живет «как богатый запасливый помещик», есть целое хозяйство. Далее собиратель передает рассказ крестьянина: его дед и бабка однажды ехали на лодке и увидели, как из воды на берег выскакивают сытые комолые коровы с короткой лоснящейся шерстью. Заметив коров, бабка сказала, что если бы они успели накапать кровью с безымянного пальца на коров *вези-кунингуойн*, «все они были бы наши». Коровы после этих слов вернулись в воду, а из воды «высунулась большая, покрытая черной шерстью рука и схватила за борт лодки» (Лесков 1894: 417).

Текст 14. Бокситогорский р-н Ленинградской обл., 1930-е гг.

Мотив зафиксирован в 1930-е годы в Бокситогорском районе Ленинградской области у южных вепсов: «Скот и коровы, пасущиеся на берегу и дающие много молока, представляют собой собственность духа-хозяина воды» (Винокурова 2006: 295–296).

Текст 15. Остров Сааремаа, Эстония, 1910 г.

Однажды девушка уснула на полуострове на берегу моря. Проснувшись, она увидела, что из моря на берег выходят коровы и направляются в ее поле. Она побежала к коровам, которые стали возвращаться в море. Лишь семь коров, которых она «отрезала» от стада, не смогли вернуться и остались у людей. От этих коров происходят все коровы сивой масти (Dähnhardt 1910: 86).

Библиография

Березкин, Юрий и Евгений Дувакин. *Тематическая классификация и распределение фольклорно мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>, updated 3. 12. 2017, дата доступа 23. 02. 2018.

Винокурова, Ирина (2006). *Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.

³ Карел. 'водяной король', так в тексте. По-русски Лесков называет водяного *водяник* (Лесков 1894: 417).

- Воробьева, Н., З. Подольская, С. Колоколов, А. Хоринова (2002). Неопубликованный источник. Никольский р-н, Краснополянский с/с, д. Животово, №59, АФ 696, Фонд БОУ ДОД «Вологодский областной детско-юношеский центр традиционной народной культуры», Вологда.
- Гардер, Михаил (2016). «Водяные коровы» на Русском Севере. *Живая старина* 1(89), 40–43.
- Ефименко, Пётр (1877). *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименко. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта*. Москва: В Типографии О. Б. Миллера.
- Криничная, Неонила (2014). Водяная корова в севернорусской мифологии. *Русская речь* 5, 101–109.
- Лесков, Николай (1894). Представления кореляков о нечистой силе. *Живая старина* 3–4, 415–419.
- Максимов, Сергей (1903). *Нечистая, неведомая и крестная сила*. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг.
- Мороз, Андрей (ред.) (2009). *Каргополье: фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья*. Москва: ОГИ.
- Мороз, Андрей (2013). Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели. *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого*. Ред. С. Толстая и Т. Агапкина. Москва: Издательство «Индрик», 212–233.
- Мороз, Андрей, Мария Устюжанинова, Изабелла Левина, Лилия Хафизова (2003). Неопубликованный источник. Моша-Будринская, XXIIa, Архив Лаборатории фольклористики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
- Ончуков, Николай (1908). *Северные сказки* (Архангельская и Олонецкая гг.). Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина.
- Петров, Константин (1860). Народные предания Олонецкой губернии. *Олонецкие губернские ведомости* 28, 102–103.
- Петров, Никита, Андрей Мороз, Римантас Слюжинкас (2014). Неопубликованный источник. Верхнеустьжулой-Мелединская, XXIa-12, Архив Лаборатории фольклористики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
- Пятницкий, А. (1884). Легенда. *Олонецкие губернские ведомости* 66 (Часть неофициальная), 649.
- Соколов, Борис и Юрий Соколов (1915). *Сказки и песни Белозерского края*. Москва: Печатня А.И. Снегиревой.
- Харитонов, А. (1848). Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда. *Отечественные записки* 3/4, 132–153.
- Шереметев, Павел (1902). *Зимняя поездка в Белозерский край*. Москва: Синодальная Типография.
- Dähnhardt, Oskar (1910). *Natursagen: Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden*. Leipzig, Berlin: B. G. Teubner.
- Jauhainen, Marjatta (1998). *The Type and Motif Index of Finnish Belief Legends and Memorates*. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia.

Ретка срећа и смртна опасност: краве се појављују из воде

Михаил Гардер

Резиме

Од средине деветнаестог века сакупљачи руског фолклора забележили су неколико казивања о *воденим кравама* на подручју северозападне Русије (јужна Карелија, Вологда и југ Архангелске области). Углавном описане као дебеле и веома млечне, самим тим и драгоцене, ове краве су обично приписиване *водењаку*, воденом демону који се јавља у руским легендама забележеним током деветнаестог и двадесетог века. Данас се о *водењаку* говори као о плоду маште. У раду је описан ареал распрострањености овог мотива и анализирани су његове промене поређењем текстова из деветнаестог и раног двадесетог века са текстовима забележеним током последње две деценије.

Савремена казивања о *воденим кравама*, иако ретка, чувају индиректну везу са *водењаком*, јер се у њима помињу краве које су се појавиле из тамних и дубоких делова језера и река. Мотив *водене краве* забележен у северозападној Русији веома је сличан истом мотиву из финских и карелијских предања – према *Индексу* Лаури Симонсури (Lauri Simonsuuri) и Марјата Јаухианен (Marjatta Jauhianen), постоји више врста *hiisi* (*genii loci*) за које су карактеристична стада дебелих млечних крава до којих људи долазе домишљатошћу. Веровања и предања с овим мотивом могуће је наћи и у вепсијском и естонском фолклору, иако су овде наведени примери оксудни за компаративну анализу мотива у различитим традицијама.

Кључне речи: водена крава, водењак, руски фолклор, карелијски фолклор, фински фолклор, предања, веровања

Rare Luck and Mortal Danger: Cows Appear from the Water

Mikhail Garder

Summary

Since the mid-19th century gleaners of Russian folklore have recorded a number of narratives about *water cows* in the area of the Russian north-west (south Karelia, Vologda and the south of Arkhangelsk oblast). Mostly described as fat and milky, and hence worth acquiring, such cows also used to be attributed to *vodyanoy*, a water spirit which appears in Russian belief legends collected during the 19th and 20th centuries. Nowadays it is mainly referred to as a fictional character. The paper describes

the areal distribution of the motif and analyzes its transformation by comparing 19th and early-20th century texts to those recorded within the last two decades.

Contemporary narratives about *water cows*, though rare, retain the indirect association with *vodyanoy* as cows are told to have appeared in lakes or rivers where dark waters run deep. Compared with other regional traditions, the motif of *water cows* in the north-west of Russia is quite similar to the one in Finnish and Karelian legends – according to the Lauri Simonsuuri and Marjatta Jauhianen's *Index*, various types of *hiisi* (genii loci) also possess herds of fat milky cows which humans can obtain by means of a particular trick. Beliefs and legends with this motif can also be found in Vepsian and Estonian folklore, although the examples given here are scarce for a comparative analysis of various national traditions.

Key words: water cows, water spirit, Russian folklore, Karelian folklore, Finnish folklore, beliefs, legends, mythology

Михаил Гардер, студент постдипломских студија
Руски државни универзитет за хуманистику
Е-пошта: g-cross@yandex.ru

Примљено: 24. 2. 2018.
Прихваћено: 4. 5. 2018.